

Пролог

У каждого в жизни есть кто-то, кто никогда тебя не отпустит, и кто-то, кого никогда не отпустишь ты.

Чак Паланик «Колыбельная»

Наши дни, Нью-Йорк

— **О**н вас ненавидит, и теперь я знаю, за что, — произношу я хриплым голосом.

Все это время до меня, заторможенной действиями лекарств, медленно доходили слова Пола. Я залила слезами все вокруг себя. Словно они могут что-то исправить или облегчить боль. Слезы — это простая реакция. У меня вырезали сердце, воткнули в него, умирающее и истекающее кровью, тысячи иголок и засунули обратно, зашив наживую.

Я поднимаю голову, чтобы посмотреть в лицо человека, который своим руками довел до безумия, а потом до суицида любимую жену и перечеркнул будущее своего сына. Это он — главный виновник, хоть и думает иначе. Мужчины вообще не любят замечать собственных ошибок.

Все, что мы делаем сейчас, разворачивает за собой клубок будущих событий. Селена мечтала о детях, а когда они появились — потеряла мужа. Чтобы вернуть мужа, она решила потерять своих детей. Но, потеряв, не смогла жить. Не смогла простить себя.

Я закрываю глаза, не в силах смотреть в лицо этого преступника, ответственного за все, что произошло.

— Теперь вы точно потеряли его, Пол, — говорю я, вспоминая страшный взгляд, которым Джейс смотрел на меня, снимая веревку с моей шеи, проводя пальцами по бордовым полосам, оставшимся после нее. Они однажды побледнеют, замоютятся и станут такими же, как у него. Как у него.

Я помню, как, подняв меня за плечи, Джейсон долго всматривался в мое лицо и словно не видел, словно находился где-то в другом месте. Безумный, полный агонии взгляд. А потом он вдруг схватил меня в охапку, сжимая так, что затрещали кости, и заплакал, уткнувшись лицом в мои волосы. Он плакал как ребенок и не мог остановиться. И я гладила его волосы, не замечая боли в сломанных пальцах. Тогда я подумала, что он сошел с ума. Что он сожалеет о том, что сделал.

Через час он вернулся с пистолетом и сказал, что мы должны умереть.

Он не успел. Марк вызвал полицию. Я не знаю, хватило бы безумия Джейсона на этот последний решающий шаг или нет. Никогда не узнаю. Пол отвалил кучу денег, чтобы скрыть тот факт, что один выстрел все-таки был.

Он целился в меня. Долго. Я не боялась. Ждала. Я даже хотела.

Джейсон выстрелил в свое отражение. Это просто чудо, что пуля не отрикошетила в него. Я тогда была на грани, отключилась сразу после того, как раздался грохот и миллионы осколков посыпались на пол.

— Теперь вы точно потеряли его. И я, я тоже потеряла его, — надтреснуто повторяю я, встречая растерянный взгляд Пола. — *Он все вспомнил.*

Глава 1

Большинство жертв абьюза не сильны и не слабы, а находятся в промежуточном, нестабильном состоянии. Они не бегут, но и не сливаются покорно, а совершают разнонаправленные движения, то есть мечутся. Половина их сознания зовет их восстать, половина призывает расслабиться и покориться.

Полгода назад, Испания, Барселона

Джейсон

У меня было много женщин. Однажды я был женат на прекрасной девушке, которую любил. И когда я впервые сказал ей об этом, она прыгала от счастья и целовала меня. Нам было по восемнадцать лет. Я думал, что она — единственная и навсегда. Не в постели, конечно. Я сейчас о сердце толкую. А оно у меня есть, хотя многим кажется иначе.

Моя шкала ценностей отличается от вашей. Уверен, что скоро вас будет от меня тошнить, но я только рад этому.

Ненавижу чистюль и моралистов. Они — самые страшные развратники. Я агнец рядом с ними. Не верите? Загляните глубоко в себя. Туда, где припрятаны самые грязные мыслишки и фантазии. Ну как? Пусто?

Не верю.

А знаешь, какая разница между нами? Я все это могу, а ты только мечтаешь.

И однажды мне повезло встретить девушку, которая согласилась играть по моим правилам, идти вперед, смело и до конца. Это было феерично. Горячо. Разнузданно. Грязно. Красиво. Больно.

Больно.

Ее это убило. А я пошел дальше. Теперь я не думаю, что на самом деле любил свою жену. Если бы это было так, то я лег бы рядом и умер.

Думаете, что я брежу? Нет. Я не люблю полутонов и недочувств. Я беру все или ничего. И если я люблю, то это минимум цунами, максимум — ядерный взрыв, который уничтожит все в радиусе сотен тысяч километров.

И когда я говорю этой голубоглазой девочке, что люблю ее, это не радостная новость. Это приговор. Нам обоим.

Она не дура. Понимает. Бледнеет, дрожит. Ей страшно. Она хочет обратно, в свою убогую жизнь, где нет меня. Где все понятно и просто, но терпимо и решаемо. Со мной у нее нет шансов. Со мной ни у кого нет шансов.

— Нечего сказать? — спрашиваю я, трогая пальцем ее нижнюю губу.

Конечно, я не настолько глуп, чтобы надеяться на то, что она тоже любит меня, хотя бы чуточку. Но я сделал все, чтобы привязать ее. Моя личная, годами отработываемая программа сработала без единого сбоя. Идеальная методика поглощения чужой личности. Я делал это не раз. Я все рассчитал. Я ликовал, наблюдая, как моя девочка окунается в религию боли и похоти и хватается за меня, как за единственную точку опоры в том хаосе, в который я же ее и погрузил. Моя малышка. Я должен был насладиться ее агонией и выбросить прочь, как других. Выпив до дна. Но идеальная программа не была рассчитана на то, что я могу дать сбой. Мое сердце дрогнуло. Я не сразу узнал это чув-

ство, не сразу понял. И я в ужасе. Потому что любовь в мои планы на Лекси Памер не входила.

— А что ты хочешь услышать, Джейс? — тихо спрашивает она, глядя на меня своими нереально голубыми глазами.

Я опускаю пальцем ворот ее блузки, чтобы посмотреть на следы своих поцелуев. Они прекрасны. И очень хорошо сочетаются с ее бледной фарфоровой кожей. Когда мы закончим, она будет скучать по каждому синяку, который когда-либо расцветал на ее нежной коже. Она не сможет без меня жить. Мои девочки... Всем им требуется помощь. После меня. Психологическая. Я даю им телефон моей хорошей знакомой. Мы вместе учились. У нее кабинет психиатрической помощи женщинам, попавшим в сложную ситуацию. Так и живем. Я ломаю, а она чинит.

Лекси она починить не сможет. С Лекси у меня особая программа. Я ее люблю. И не хочу, чтобы кто-то смог исправить то, что я сделал такой беспощадной... любовью. Не хочу, чтобы кто-то получил мой трофей. Она моя навечно, даже когда перестанет возбуждать мой разум и мое тело. Это не обсуждается. Она еще не знает, что я буду последним, кто имеет ее. Во всех смыслах.

— Я хочу трахнуть тебя, детка, — грубо говорю я, продолжая смотреть на синие следы засосов на ее шее. Меня они заводят сильнее, чем раньше на других. Мои слова для Лекс не откровение. Она на мне. Сверху. Чувствует.

— Ты неподражаем, Джейсон. Твои признания как-то не очень сочетаются вместе.

Ее взгляд замирает на моих губах, потому что я облизываю их. Готов поспорить, что и она не прочь пройтись по ним своим язычком. Кстати, Лекси относится к тому самому ненавистному типу фальшивых моралисток и показушных недотрог. Ей хочется верить в то, что она хорошая и правильная девочка, попавшая в лапы злого и озабоченного

серого волка. Но на самом деле она там, где и должна быть. Наша встреча предрешена. Теперь я в этом не сомневаюсь.

— А, по-моему, одно вытекает из другого. Я люблю тебя, я хочу тебя. Ты видишь ситуацию иначе? — кладу ладони на ее бедра, впиваюсь пальцами, наслаждаясь мягкостью ее кожи. Юбка задирается выше, и я вижу треугольник белых трусиков. Приподнимаю бедра, трусь об нее своей эрекцией. У меня не падает, пока она рядом. Даже когда я кончаю, он снова встает, стоит только посмотреть на нее. Побочное явления любви? Романтично же? Нет?

Вы просто завидуете.

Она закрывает глаза, прижимаясь щекой к моей щеке. Я слышу, как прерывисто она дышит. О, да, я чувствую, как желание струится по ее венам, отравляя кровь. Если бы она была другой... Если бы я позволил исправить свою малышку после того, как все закончится, она бы с ужасом вспоминала эти минуты, когда ее тело было одержимо и пропитано мной. Лекси думает, что может однажды уйти, она сопротивляется, но уже меньше и реже, пытается найти объяснения своему противоестественному желанию. Такая дурочка. Ей невдомек. Я сломал ее. В самые первые дни. Легко и просто. Все, что мы имеем, это последствия психотравмы, которую я ей нанес. Я вломился в ее жизнь и разнес в клочья, в щепки. Я взял контроль в свои руки, и теперь она зависима от меня как младенец от материнской груди. Кошунственное сравнение. Но оно нагляднее всего показывает неразрывность установившейся связи. Когда ломается личность, поглощенная другой, происходит полное слияние, экстаз, невероятный кайф. Она не принадлежит себе. Ни одна ее гребаная мысль.

Я берусь за воротник ее блузки, прилагаю минимум усилий и разрываю, стаскивая с нее обрывки. У нее не идеальная грудь, но я умираю от желания лизать и пробовать ее. Слишком маленькая, с крошечными горошинками сосков. Но безумно чувствительная, как и все ее тело.

Это еще одно качество, которое меня заворожило. Я веду пальцем по линии ее плеч и вниз к соску и вижу, как вся моя девочка покрывается мурашками. Я ощущаю запах ее возбуждения, сладкий, как вся она. Чувственная женщина — редкость. Многие фригидные дуры говорят, что не встретили нормального мужика, и поэтому роль бревна для них предпочтительнее, чем визит к сексологу. Они сваливают проблему, вместо того, чтобы пытаться самим пошевелиться. Я не самый нежный любовник, но кое-что могу и, признаться, за весь мой опыт с женским полом пассивные, скучные в постели бабы попадались гораздо чаще, чем чувственные и отзывчивые. А поскольку я после гибели Сэм ни разу не состоял в отношениях больше чем на ночь или без контракта, то эти фригидные сучки фальшиво притворялись, в надежде поймать с меня побольше бабла. Лекси не притворялась. Жаль, что понял это не сразу. Привык к дешевым показушным играм подготовленных первоклассных шлюх. И от нее ждал того же.

Раздвигаю ее ножки шире, веду пальцем по белому кружевному треугольнику, надавливаю там, где ей бы хотелось, сильнее. Она выгибает спину, хватая меня за плечи. Трется. Она горяча. Обворожительна, неповторима.

Не только я один вижу это. Мужики — самцы, все без исключения. И чувствуют женщину, которая может подарить им рай. Которая хочет. И умеет отдавать. Умеет наслаждаться. Когда я увидел ее впервые, не на фото, а в реальности, спускающуюся по лестнице в вульгарном красном платье, через которое просвечивало белье, меня аж прострелило. Тряхануло так, что я сам не поверил. Еле сдержался, чтобы не утащить сразу же и не убедиться в том, что правильно разглядел, разгадал. Хотел всыпать по ее классной заднице и затрахать до одури. Ее взгляд сбивал с толку. Невинный, испуганный. «Отличная роль», — думал я. Чертов макияж и чертово платье отвлекали. Я не увидел ее сразу, а потом она разозлила меня, и я уже ничего не мог

видеть. Хотел раздавить ее, смешать с дерьмом, потому что она чуть не легла под Брайана, потому что вызвала во мне бурю страстей, потому что была такой красивой, что хотелось смотреть часами. С трудом, но совладал с собой и занялся введением в действие своей методики захвата личности и ее полного порабощения. Она сдалась сразу. Легкая добыча. Но я не почувствовал кайфа ни от ее слез, ни от унижения. Первые звоночки, которые я пропустил. Нужно было остановиться еще тогда и выкинуть ее к черту. Вы правильно поняли, я вовсе не рад тому, что она во мне разбудила. И Лекси тоже не будет рада. Я уверен.

— Джейс... — стонет она мне в губы, прежде чем поцеловать.

Ее язык скользит мне в рот, я ловлю его, кусаю и по-сасываю. Она расстегивает мои брюки. Я срываю ее трусики. Толкаюсь вперед, закрывая глаза от мгновенно охватившего кайфа. Мы оба стонем и замираем, прежде чем отдаться траханью с головой. Я нежно целую ее губы, а потом сильно ударяю по ягодицам, до боли сжимая их. Она всхлипывает, но не отстраняется. И я иду в атаку, устанавливая бешеный темп, от которого перехватывает дух и раздваивается сознание. Мы погружаемся в секс, как в транс, как в некий ритуал, отдаваясь полностью, на износ. Ее оргазмы заставляют содрогаться и меня. Я чувствую ее остро, ментально, всем своим телом, кайфую до скрежета зубов. Мой член пирует, пока сердце колотится, как ненормальное, пока я люблюсь ею. С самого первого раза это не было сексом ради секса. Она затянула меня. Дотронулась до сердца. Черт ее знает, как она сумела. И когда это произошло. И имеют ли теперь значения сроки. Лекси еще не в курсе, но она со мной до тех пор, пока я не найду способ разлюбить ее. Пока мне не надоеет ее гибкое страстное тело.

Но я возвращаюсь назад к истокам зарождения нашей безумной связи, вспоминаю ее на коленях. С запрокину-

тым лицом, покрытым бледнеющими синяками. Я тогда думал, что впервые так сильно разукрасил женщину и меня здорово смутили собственные эмоции по этому поводу. Я не мог сделать с ней и половины того, что обычно было уготовано для птичек в зеркальной комнате. Хотел, но не мог. Злился и унижал ее. Потом сидел часами перед монитором, рассматривая видео с камер в ее клетке. Каждый жест, взгляд, вздох, движение. Приближал картинку, смакуя, возбуждаясь до болезненных спазмов, которые не могли снять ни рука, ни Лиса, ни трахнутая на голову Меган.

А сейчас я лежу на ней, все еще погруженный в это божественное тело, чувствуя, как ее маленькая дырка сжимает своими влажными тисками мой член, готовый к новому раунду. Ее глаза закрыты, и я могу смотреть так, как хочу, чтобы она не увидела, не догадалась, что сейчас происходит внутри меня. Не прячься за масками.

— Я люблю тебя, — повторяю я как мантру. Пусть привыкает. Это не просто слова. Это ее будущее. Целую в припухшие губы, приподнимаясь на локтях. Она такая горячая и влажная там, внизу, когда я слегка двигаю бедрами, напоминая о себе. — Хочешь еще?

Она открывает глаза, в которых так много всего, кроме того, что мне действительно необходимо.

— Я не могу сказать «нет», — напоминает Лекси не без иронии, ее ладонь ложится на мои медленнодвигающиеся ягодицы. Она сжимает, впиваясь ногтями, подстраиваясь, включаясь в процесс. Эта девочка — просто богиня. Когда сильный шлепок ударяет по правой доле моей железной задницы, я даже не удивляюсь. Лекси Памер — та еще штучка. Ей бы понравилась роль госпожи. Непременно понравилась. Она бьет меня, потому что хочет, чтобы я трахнул ее сильнее. Жестче. Так, как мы обычно это делаем. Моя лучшая ученица. И я всегда готов пойти ей навстречу.

Утром прилетает Марк. Отец послал брата, чтобы вправить мне мозги. Два идиота. Словно я когда-либо слушал чужие советы.

— Привет. Я без багажа. Сегодня последняя игра. Ты же не собираешься зависать здесь дольше, чем до завтра? — с порога тараторит Марк.

Он клевый парень, несмотря на то что гей. Я люблю его. Из всех моих родственников он и Виви — единственные, кто имеет для меня значение. Я дорожу ими, в то время как остальных родственников просто терплю или откровенно презираю, или забываю об их существовании.

— Рад тебя видеть, — пожимаю протянутую руку, отмечая легкую щетину и следы недосыпа на лице брата. Пару лет назад Марк отпустил волосы, и сейчас они находятся в плачевном состоянии. Розовая рубашка мятая, джинсы в пятнах от кофе. — Неважно выглядишь.

— А ты — просто супер, — окинув меня взглядом, отмечает Марк. Я только с пробежки. Потный и в шортах. Не уверен, что он не льстит. — У меня небольшие личные проблемы. Покажешь мне, где я могу принять душ и переодеться?

— Мой мальчик приехал! Как ты? — с кухни выплывает Джо и летит к Марку, заключая его в свои объятия. Джо — тоже важный для меня человек.

— Джо, накорми Марка завтраком и покажи его комнату. Я пока поднимусь к себе.

Захожу в свою спальню, прикрывая за собой дверь и раздеваясь по дороге в душ, краем глаза замечаю, что Лекси все еще спит как убитая. Мне нравится, как она смотрится среди спутанных простыней. Во сколько мы уснули? А, да кто смотрел на время? Ей будет непросто влиться в мой график. Но люди привыкают к самым раз-

ным вещам. Кто-то вообще червяков и лягушек ест. Сейчас я выматываю ее, но пройдет недели, и малышка втянется.

Выхожу из душа мокрый и голый, не трата время на полотенце. Открываю гардероб, вытаскиваю первые попавшиеся спортивные штаны и футболку, из выдвигаемого ящичка — боксеры. Минута, и я полностью одет.

— Я тебе завидую. Ты просто энерджайзер. И задница у тебя обалденная, — раздастся заспанный голос.

Закрываю гардеробную и поворачиваюсь. Она лохматая и прекрасная. Мой член мгновенно реагирует, но сейчас у нас нет времени. Нужно позавтракать и бежать на стадион. Перед матчем предстоит разминка и быстрый инструктаж. Но когда я возбужден, играю гораздо лучше. Поэтому тренер не советует трахаться перед игрой. «Кончая, вы спускаете весь свой энтузиазм». Раньше я придерживался правил, сейчас — через раз.

— Поднимай свою не менее обалденную задницу, малышка. У тебя двадцать минут. Мы с Марком ждем тебя в гостинной.

— Марк приехал?

— Я же говорил. Чем ты слушала? — Подхожу к кровати, рывком срывая с Лекси одеяло.

— Что за фигня, Джейс! — ругается она, закрываясь руками.

Я хмурюсь, скользя взглядом по изгибам стройного тела и многочисленным следам моей несдержанности. Может, стоит быть осторожнее? Обычно я балдею, когда вижу свои отметины. Это мой фетиш. Нет, я не могу отказаться от того, что приносит мне столько удовольствия.

— Двадцать минут. Надень джинсы. Мне нравится, как они сидят на твоей попке. — Я широко улыбнулся, бросив обратно одеяло, и вышел из комнаты.

Успел съесть омлет на обезжиренном молоке и выпить зеленый чай с протеиновым батончиком, пока дожидался